

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.20323/1813-145X-2024-5-140-200

EDN: LHEKDS

Владимир Дмитриевич Шадриков о времени и о себе

**Владимир Александрович Мазиллов¹, Юрий Николаевич Слепко²,
Владимир Дмитриевич Шадриков³**

¹Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Доктор психологических наук, доцент, декан педагогического факультета, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

³Доктор психологических наук, профессор, профессор-исследователь департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 15390, г. Москва, Армянский пер., д. 4, стр. 2.

¹v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

²slepko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6768-4652>

³shadrikov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4905-4136>

Аннотация. В 2024 году российское психологическое сообщество отмечает 85-летний юбилей выдающегося отечественного психолога, педагога, организатора науки и образования, государственного деятеля Владимира Дмитриевича Шадрикова. В преддверии юбилея авторы статьи взяли у В. Д. Шадрикова интервью, в котором из первых уст узнали этапы жизненного и профессионального пути юбиляра. Раскрыты некоторые особенности профессионального обучения в Рыбинском и Ярославском педагогических институтах, первый опыт педагогической работы в Магаданской области, специализация в области психологии во время обучения в аспирантуре ЯГПИ. Прослежены место и роль В. С. Филатова в профессиональном становлении юбиляра – в формировании личностных и профессиональных качеств, в выборе направления научной деятельности в области психологии труда и инженерной психологии. Раскрыты источники и этапы формирования концепции системогенеза деятельности В. Д. Шадрикова – экспериментальные исследования трудовой деятельности на этапе подготовки кандидатской диссертации, хозяйственные исследования на промышленных предприятиях, взаимодействие с ленинградской психологической школой, внедрение системного подхода в психологию, роль идей П. К. Анохина и Б. Ф. Ломова. Показаны первые годы работы факультета психологии Ярославского государственного университета и создание ярославскими психологами учебной, материальной и научной базы, позволившей факультету стать заметным образовательным и научно-исследовательским центром в системе советского психологического образования и науки. Значительное внимание в интервью уделено периоду работы Шадрикова в министерстве просвещения СССР, Госкомитете СССР по народному образованию, министерстве образования РФ. Раскрыто содержание организационных, профессиональных, образовательных задач и проблем, решавшихся юбиляром на протяжении более чем пятнадцатилетней государственной службе. В интервью удалось тезисно обсудить и проблемы современного образования, развитие отечественной психологии в последние десятилетия, актуальные проблемы профессиональной подготовки современных психологов. На всем протяжении интервью юбиляр делится воспоминаниями о друзьях, коллегах, выдающихся отечественных психологах, педагогах и организаторах науки и образования, оказавших влияние на его личностное и профессиональное становление.

Ключевые слова: В. Д. Шадриков; история психологии; ярославская психологическая школа; В. С. Филатов; системогенез деятельности; министерство просвещения СССР

Для цитирования: Мазиллов В. А., Слепко Ю. Н., Шадриков В. Д. Владимир Дмитриевич Шадриков о времени и о себе // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 5 (140). С. 200–214. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-5-140-200>. <https://elibrary.ru/LHEKDS>

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, PSYCHOLOGY HISTORY

Original article

Vladimir Dmitrievich Shadrikov about time and about himself

Vladimir A. Mazilov¹, Yuri N. Slepko², Vladimir D. Shadrikov³

¹Doctor of psychological sciences, professor, head of department of general and social psychology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

²Doctor of psychological sciences, associate professor, dean of the faculty of education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

³Doctor of psychological sciences, professor, research professor, department of psychology, faculty of social sciences, National research university «Higher school of economics». 15390, Moscow, Armyansky lane, 4, bld. 2

¹v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

²slepko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6768-4652>

³shadrikov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4905-4136>

Abstract. In 2024, the Russian psychological community celebrates the 85-th anniversary of the outstanding Russian psychologist, teacher, organizer of science and education, statesman Vladimir Dmitrievich Shadrikov. On the eve of the anniversary, the authors of the article interviewed V. D. Shadrikov, where the stages of the life and professional path of the character of the day are revealed first-hand. Some features of professional training at the Rybinsk and Yaroslavl Pedagogical Institutes, the first experience of pedagogical work in the Magadan Region, specialization in the field of psychology during his postgraduate studies at Yaroslavl State Pedagogical Institute are revealed. The place and role of V. S. Filatov in the professional development of the character of the day is shown – in the formation of personal and professional qualities, in the choice of the direction of scientific activity in the field of labor psychology and engineering psychology. The sources and stages of the formation of the concept of systemogenesis of the activity of V. D. Shadrikov – experimental studies of labor activity at the stage of preparation of a candidate's dissertation, economic contract research at industrial enterprises, interaction with the Leningrad psychological school, introduction of a systemic approach to psychology, the role of ideas of P. K. Anokhin and B. F. Lomov. The first years of work of the faculty of psychology at Yaroslavl State University and creation by Yaroslavl psychologists of the educational, material and scientific base, which allowed the faculty to become a noticeable educational and research center in the system of Soviet psychological education and science, are shown. Considerable attention in the interview is paid to the period of V. D. Shadrikov's work in the Ministry of Education of the USSR, the State Committee of the USSR for Public Education, the Ministry of Education of the Russian Federation. The content of organizational, professional, educational tasks and problems solved by the character of the day for more than fifteen years of public service is revealed. In the interview it was possible to briefly discuss the problems of modern education, the development of domestic psychology in recent decades, current problems of professional training of modern psychologists. Throughout the interview, the character of the day shares his memories of friends, colleagues, outstanding Russian psychologists, teachers and organizers of science and education who influenced his personal and professional development.

Key words: V. D. Shadrikov; history of psychology; Yaroslavl psychological school; V. S. Filatov; systemogenesis of activity; USSR Ministry of Education

For citation: Mazilov V. A., Slepko Yu. N., Shadrikov V. D. Vladimir Dmitrievich Shadrikov about time and about himself. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (5): 200–214 (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-5-140-200>. <https://elibrary.ru/LHEKDS>

Введение

В 2024 г. отмечает 85-летний юбилей выдающийся российский психолог, педагог, организатор науки и образования, государственный деятель Владимир Дмитриевич Шадриков.

В. Д. Шадриков родился 18 ноября 1939 г. в г. Рыбинске Ярославской области. После окончания в 1962 г. физико-математического факультета Ярославского государственного педагогического института работал по распределению учителем физики и математики в поселке Эвенск

Магаданской области, здесь же – директором школы рабочей молодежи и инспектором районного отдела народного образования. В 1965–1968 гг. обучался в аспирантуре при кафедре психологии ЯГПИ, по окончании которой защитил кандидатскую диссертацию по психологии на тему «Сигнальное программирование и оптимизация подачи информации оператору» [Шадриков, 1968]. Работал в ЯГПИ преподавателем кафедры психологии (1968–1970), после чего перешел на созданный в Ярославском государственном университете факультет психологии: доцент кафедры общей психологии (1970–1973), декан факультета психологии (1971–1976), заведующий кафедрой психологии труда и инженерной психологии (1973–1982), проректор по учебной работе ЯрГУ (1976–1982). За время работы на факультете психологии подготовил и защитил докторскую диссертацию по психологии на тему «Системный подход в психологии производственного обучения» [Шадриков, 1976]. Работал ректором Ярославского государственного педагогического института, заведующим кафедрой психологии (1982–1985). В 1982 г. избран членом-корреспондентом АПН СССР.

В период 1985–2001 гг. Шадриков работал в системе государственного управления образованием заместителем министра просвещения СССР (1985–1988), первым заместителем председателя Госкомитета СССР по народному образованию – министром СССР (1988–1991), заместителем министра образования РФ (1991–2001). В 1989–1990 гг. исполнял обязанности Президента АПН СССР. В 1992 г. избран академиком РАО.

После окончания государственной службы и по сей день Владимир Дмитриевич продолжает работать в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Московском педагогическом государственном университете (подробнее в [Мазилев, 2023, с. 112–115]).

В. Д. Шадриков хорошо известен как автор оригинальных психологических концепций и теорий системогенеза деятельности [Шадриков, 1982; Шадриков, 2013], способностей и одаренности [Шадриков, 2019], предмета психологической науки как внутреннего мира человека [Шадриков, Мазилев, 2015]. Под его руководством защищено более 70 кандидатских и докторских диссертаций по психологии.

За достижения в области науки и образования Шадриков имеет множество наград, в том числе, является лауреатом премии им. С. Л. Рубинштейна Президиума РАН (1996) и лауреатом

премии Президента Российской Федерации в области образования (1999, 2006); награжден Орденом Почета (2002), нагрудным знаком «Почетный работник науки и техники Российской Федерации» (2007), Орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2012).

Личность Шадрикова, его достижения в разных областях психологии, педагогики, образования уже неоднократно становились предметом специального исследования [Карпов, 2019; Мазилев, 2019; Суворова, 2011; Черемошкина, 2009; Шадриков..., 2014 и др.]. Да и сам юбиляр многократно раскрывал во взятых у него интервью особенности своего жизненного и профессионального пути, свое видение проблем науки и образования [Донских, 2017; Интервью, 2009; Шадриков, 2015 и др.]

Несмотря на сказанное, явно недостаточным является наличие многочисленных фрагментированных научно-аналитических и биографических материалов о Шадрикове. Его личность и деятельность требуют более систематичного описания. Именно на решение такой задачи и направлен цикл интервью, первое из которых было взято у Шадрикова в преддверии 85-летнего юбилея.

Интервью взяли Мазилев Владимир Александрович и Слепко Юрий Николаевич.

Студенческие годы и аспирантура

В. М.: Владимир Дмитриевич, мы бы хотели задать Вам несколько вопросов, касающихся Вашей биографии, страниц Вашей жизни. И для начала вопрос о совсем ранних событиях. Как известно, в 1957 г. Вы поступили на физико-математический факультет Рыбинского педагогического института. Почему Вы выбрали именно такой вариант профессионального образования после школы? Кем Вы себя видели – ученым физиком или педагогом?

В. Ш.: Откровенно говоря, про ученость тогда речи вообще не было. Я хотел быть офицером Советской Армии и подавал документы в военкомат. Зрение у меня тогда было минус 4, и мне отказали по причине близорукости – таких в армию не брали. Потом у меня зрение опустилось до минус 6 и меня списали в запас; в итоге по военному билету у меня стало звание – «Необучен. Годен к нестроевой службе». Понимаете, семья у меня была небогатая, отец работал мастером на производстве, мать – домохозяйка; поэтому нужно было выбрать учебное заведение, которое было близко к Рыбинску или в Рыбинске. В Рыбинске тогда был открыт педагогический институт, который имел не полный набор

факультетов, а только историко-филологический и физико-математический факультеты. Естественно, я выбрал физмат. Школу закончил с серебряной медалью, поэтому меня зачислили автоматически; проучился год и нас слили с Ярославским педагогическим институтом.

В. М.: То есть психологии в Рыбинске у Вас еще не было, а все началось только в Ярославле?

В. Ш.: Да, именно так.

В. М.: А Вы помните, кто у Вас преподавал психологию во время обучения в институте?

В. Ш.: Нам преподавал психологию Герман Александрович Мурашев, немного читала Маргарита Макаровна Рыбакова. Маргариту Макаровну я хорошо помню, она была одним из наших любимых преподавателей; мы даже были у нее дома в гостях. Василий Степанович Филатов у нас не преподавал, но в то время заведовал кафедрой психологии. И очень важно отметить, что тогда в педагогическом институте была министерская лаборатория психологии труда, трудового обучения и воспитания, в которой мы зрели как молодые аспиранты. В этой лаборатории подготовил диссертацию В. С. Сапоровский, который работал потом в Костромском институте; аспирантуру закончил А. Г. Поддубный, Витя Новиков, Алик Филиппов, я. То есть была хорошая плеяда.

Как вообще получилось, что я пришел в психологию? Когда учился, я был достаточно активный студент – был председателем студсовета, председателем клуба туристов института, писал заметки в нашу газету «За Педагогические кадры», в которой ответственным секретарем был Алик Филиппов. Тогда мы с ним и познакомились.

Ю. С.: Владимир Дмитриевич, вернемся к студенческим годам. Когда Вы учились, Вы работали в институте грузчиком. Это был какой-то небольшой фрагмент Вашей жизни или постоянная работа?

В. Ш.: Это был именно фрагмент, который не оставил у меня никаких следов. А приработком во время учебы у меня была корреспондентская деятельность; еще я подрабатывал на телевидении – готовил репортажи, например, о строительстве в Рыбинске моста. Это было так – на специальных карточках я готовил информацию о каком-то событии, а в эфире был не живой репортаж, а карточка с информацией о событии.

Ю. С.: То есть Вы еще и фотографировали эти события?

В. Ш.: Да, конечно. Я хорошо фотографировал. Мне даже на областной фотовыставке за

призовое место дали книжку «В театрах и кино свободного Китая». Но все-таки насчет работы – когда учился на пятом курсе, учителей не хватало, и нас всех направили на год работать учителями. Меня направили в школу рабочей молодежи поселка Ярославского района Красные Ткачи.

Ю. С.: Давайте теперь перекинем мостик из Вашей студенческой жизни в день сегодняшней. Сегодня Вы человек с большим именем, уважаемый ученый, имеете множество серьезных научных, организационных достижений. Всех достижений и заслуг не перечислить. Возвращаясь в студенческие годы, были ли тогда мысли и представление о том, что жизненный и профессиональный путь сложится именно так?

В. Ш.: Конечно, нет. Откровенно говоря, мысли были неказистые – после окончания института поехал работать по распределению в Магадан. Причем поехал по собственному желанию – я был туристом, и решил, почему бы за государственный счет не прокатиться в Магаданскую область. Учился не плохо, но мысль у меня была покинуть педагогическую стезю, стать инженером и поступить заочно в политехнический институт в Хабаровске. Какие были мотивы этого – теща считала, что для ее дочери учитель не очень подходящая кандидатура, и она постоянно ей об этом говорила. Но дальше мне не повезло – сказали, что второе высшее образование мы не даем.

Ю. С.: И даже платно не могли поступить?

В. Ш.: Тогда платного образования вообще не было. Сказали – есть одно образование и все. Вот если бы Вы работали инженером, могли бы, а так – нет.

Ю. С.: А чем Вы занимались в Магадане, как жили, как работали?

В. Ш.: Я ведь не в самом Магадане был, а в поселке Эвенск – это поселок городского типа, в нем было два-три двухэтажных дома – исполком и школа, а все остальное – одноэтажная застройка; единственными предприятиями были рыбокомбинат и райпромхоз. Учениками у меня были в основном рыбаки и несколько школьников, отчисленных из дневной школы, им я преподавал физику и математику. Жизнь в поселке была весьма своеобразная – школа была, как говорят, центром науки и культуры; в ней был единственный приличный спортивный зал, в котором мы с учениками играли в баскетбол и волейбол. И вот однажды, когда у нас уже сложились неформальные отношения, они мне высказали такую интересную мысль: «Владимир

Дмитриевич, в спортивном зале мы с Вами нормально общаемся, но когда Вы нам преподаете, мы Вас часто не понимаем». И после этого я сделал для себя первые педагогические выводы: начиная работать с классом, педагог должен опуститься в уровне своих знаний до уровня знаний учеников и вместе с ними подниматься к вершинам своего школьного предмета. А второй вывод такой: не достойна существования педагогика, которая не обеспечивает успеха ученику. То есть, если ученик не успевает, не понимает, теряется интерес и мотивация, учение превращается в зубрежку, и мы губим человека.

Ю. С.: Вернемся из Эвенска в Ярославль и попробуем сравнить 60-е годы прошлого века и день сегодняшней. Сегодня в России невероятное число студентов-психологов, преподавателей психологии и психологических факультетов, книг по психологии и т. д. Психология сегодня – очень популярная и распространенная специальность. А что представляла собой психология в региональном институте в 60-е годы, когда Вы вернулись из Магадана, не перспективнее ли было продолжить профессиональный путь в физике и математике?

В. Ш.: Когда я вывел первые свои педагогические аксиомы, у меня проснулся интерес к педагогике, которая, как известно, тесно связана с психологией. В это время Алик Филиппов, с которым мы переписывались, перешел в созданную лабораторию психологии труда. И вот когда у меня созрел интерес к педагогике и психологии, которые я тогда жестко не различал, Алик меня сагитировал, сказав, что сейчас активно развивается инженерная психология, модной была психология труда, этим можно и интересно заниматься; тогда же активно шла политехнизация образования; я вспомнил и своих преподавателей – Г. А. Мурашева, М. М. Рыбакову. И вот подал документы в заочную аспирантуру, потому что хотел остаться работать в Магадане; экзамены успешно сдал, но мне предложили зачисление в очную аспирантуру, на что я после совета с женой и согласился. Вот так через аспирантуру я и прикипел к психологии.

В это же время Алик Филиппов уже учился на втором курсе аспирантуры и проторил дорожку на факультет психологии Ленинградского университета. Там он познакомился с преподавателями, с лабораторией индустриальной психологии Б. Ф. Ломова, который был деканом факультета до Б. Г. Ананьева. При чем тогда шутили, что Ломов вырастил Ананьева, который понача-

лу боялся браться за факультет. Но когда все пошло нормально, желание у него проснулось. Да и нужно сказать, что Борис Федорович не по своей воле уехал в Москву – ему предложили быть заведующим отделом педагогической науки в Министерстве просвещения СССР. На факультет психологии в Ленинград мы ездили два-три раза в год, две трети преподавателей факультета я знал хорошо. Контакты были настолько крепкие, что когда я был деканом факультета психологии в Ярославле, договаривался с Ананьевым о направлении ленинградских выпускников к нам. По этой договоренности, например, к нам приехал работать Анатолий Лактионович Журавлев (подробнее об этом в [Журавлев, 2022; Мазиллов, 2022, с. 145–153]). Тогда же приехала работать на факультет и Галина Ивановна Терехова.

Ю. С.: Если обобщать сказанное, то психология в институте в 60-е годы – это аспирантура по психологии, лаборатория психологии труда, преподавание психологии студентам-педагогам?

В. Ш.: В целом, да. Нужно добавить, что у нас еще преподавал Иван Матвеевич Цветков; ну и помимо аспирантуры и лаборатории добавим тесное сотрудничество с Ленинградом – если кандидатскую диссертацию я защищал в Ярославле, то докторскую – уже в Ленинградском государственном университете.

Василий Степанович Филатов

Ю. С.: В контексте этого хотелось бы из первых уст узнать о Василии Степановиче Филатове. Он ведь сыграл важную роль в Вашей жизни? Какой он был?

В. Ш.: Василий Степанович был очень хорошим человеком, он имел большой опыт, работал советником по образованию в Китае. Но не будем забывать, что он был аспирантом и по кандидатской, и по докторской диссертации у С. Л. Рубинштейна. И для своего времени он имел неплохую подготовку в школе Рубинштейна, с которым контактировал около пятнадцати лет, если не больше.

В. М.: Владимир Дмитриевич, здесь, наверное, стоит уточнить. Сам Василий Степанович говорил, что он с Рубинштейном познакомился еще в 20-х годах в Одессе, когда тот читал публичную лекцию. Филатов, учась в мореходной школе, случайно зашел на лекцию Рубинштейна, на которой услышал, что есть такая наука – психология; и после этого Филатов поехал поступать во 2-й Московский государственный университет на педологический факультет.

В. Ш.: Да, школа Рубинштейна у него была. Но за время командировки в Китай, после которой он стал ректором педагогического института, мне кажется, он немного отстал от трендов развития психологии. Не в качестве критики все-таки скажу – Витя Новиков (речь о Викторе Васильевиче Новикове - *В.М., Ю.С.*) говорил, что за это время Василий Степанович от психологии отстал, почему его тезисы на XVIII Конгресс по психологии не приняли и отклонили. Но ведь Витя Новиков от Филатова тогда отошел и занялся изучением крестьянства, при чем весьма своеобразно. В фундаментальной библиотеке ЯГПИ он нашел дореволюционную монографию о крестьянстве, и, сравнивая, написал свою монографию о том, как хорошо живет советскому крестьянину. Но на самом деле все это неважно, так как Василий Степанович был крупным организатором, у него были свои научные интересы, в его научную карьеру я не вникал, занимался психологией труда и инженерной психологией. И что хотелось бы особенно отметить – несмотря на то, что у него было классическое образование, он с пониманием относился к новым направлениям в психологии, и не препятствовал, если кто-то начинал этим заниматься. Даже если это не совпадало с его научными интересами.

Ю. С.: Но, судя по текстам авторефератов, Василий Степанович был научным руководителем практически всех Ваших коллег и товарищей, кто работал в то время на кафедре. Так что – он формально руководил диссертациями, тогда как аспиранты сами решали поисковую и другую научно-исследовательскую работу?

В. Ш.: Конечно нет. Если судить по себе и моему ближайшему окружению, он создавал условия, чтобы мы плодотворно работали в выбранных нами направлениях. И я считаю это важной чертой научного руководителя, в результате чего ученики начинают перерастать своего руководителя. Хотя знаете, нужно сказать, что мы его глубоко не познали. Давайте сравним, например, Василия Степановича и А. Н. Леонтьева. На факультете психологии МГУ все наизусть знали две работы Леонтьева (речь о «Проблемах развития психики» и «Деятельность. Сознание. Личность» – *В. М., Ю. С.*) и наизусть повторяли то, чего не понимали. Ну и сам Леонтьев, когда писал, например, про загонную охоту, не до конца понимал этого. Понимаете, я в Ярославле лет пятнадцать занимался охотой и все это хорошо знаю; а читаешь Леонтьева и чувствуешь, что человек сам ружья не держал и на номере не стоял. Так

вот, для сравнения – студенты в МГУ учили все это наизусть, а Василий Степанович был не из этой породы. Он не заставлял нас читать свою кандидатскую и докторскую диссертации. При нас он написал маленькую книжку на основе наблюдений за своим внуком – «Ребенок открывает мир» [Филатов, 1966].

В. М.: Наверное, стоит дополнить оценку Василия Степановича. В 1933 году, когда он работал заведующим кафедрой педагогики и психологии и заместителем директора Ставропольского педагогического института, он написал конспект лекций по психологии, в котором грамотно раскрыл все основные зарубежные и отечественные психологические подходы [Филатов, 1933]. То есть он был методологически и теоретически грамотным человеком, и не растерял всего этого во время работы в Ярославле.

В. Ш.: Конечно так. Но я бы хотел обратить особое внимание на его черту как научного руководителя – он не давил на своих учеников, что очень важно. Я это использую сейчас в своей работе – приходит, например, аспирант со своими идеями, чувствую, что он все продумал и готов работать. Я ему и говорю – давай разрабатывай дальше, а я тебе помогу. Но это нужно отличать от того, что было, например, в 80-е годы во время перестройки – тогда в педагогике было очень много наносного и все кипели со своими идеями; приходили ко мне и говорили: «Владимир Дмитриевич, не кажется ли Вам, что классно-урочная система устарела»? Отвечаю: «Возможно. Но Вы предложите такую систему, по которой бы училось двадцать миллионов школьников». И сразу весь пыл пропал. Понимаете, рассказывать и фонтанировать расхожими идеями, которые тогда были во всех газетах, особенно в Учительской, все были мастера, но предложить систему, по которой учились бы миллионы, не так-то просто. Я бы вообще современную педагогику отменил и заставил всех читать «Великую дидактику» Яна Амоса Каменского. Но читать нужно с учетом сегодняшнего времени – это как раз то, что нужно (подробнее воспоминания в [Мазиллов, 2022, с. 174–178]).

Ю. С.: Владимир Дмитриевич, в контексте разговора о В.С. Филатове хотелось бы уточнить роль Виктора Васильевича Карпова в развитии исследований по психологии труда на кафедре психологии педагогического института – здесь много неясностей. Как у них складывались отношения, кто был инициатором этих исследований?

В. Ш.: Понимаете, здесь очень важно договориться о точке отсчета в развитии психологии в институте. Филатов был основателем психологической кафедры в Ярославском педагогическом институте – здесь не может быть двух точек зрения. Вообще Филатов сыграл большую роль в судьбе Виктора Васильевича. Вам известно, что вследствие неосторожной беседы в студенческой компании Виктор Васильевич был репрессирован и около восьми лет провел в шахтах Коми. Знаете, раньше говорили так: «За что сидишь?», – «За леность. Мы сидели и говорили. Я решил отложить доклад на утро, а кто-то потрудился с вечера». Когда он вернулся, у него были большие сложности с трудоустройством, а Василий Степанович принял его на работу, когда его никто никуда не брал. И в этом плане Василий Степанович определил его судьбу и дал возможность заниматься наукой так, как он себе ее представлял. И у Виктора Васильевича потом была диссертация о сигнальном программировании, понятие о котором я потом использовал в своей диссертации. То есть как основатель кафедры, конечно, Василий Степанович был раньше, но Виктор Васильевич внес такую научную струю, которую уже дальше я продолжил. Но больше последователей не было, и после защиты диссертации Виктор Васильевич стал деканом истфила, проректором по учебной работе, ректором института – научной работой он так активно уже не занимался.

То есть я бы не преувеличивал роль Виктора Васильевича в развитии кафедры. Но необходимо специально сказать, что при всей сложности судьбы он смог заняться наукой, подготовил кандидатскую диссертацию, и неплохую. Об этом могу косвенно судить со слов Д. А. Ошанина – когда я к нему приезжал на консультацию по докторской диссертации, у него было хорошее впечатление о работе Виктора Васильевича.

В. М.: Я бы добавил вот еще что – мне кажется, его спасло то, что он после школы учился в Ярославском филиале Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, а потом в Ярославском технологическом институте (1945–1947). И так как у него была склонность к электротехнике, будучи репрессированным, он попал в помощники машиниста. Это и помогло ему выжить в тех условиях.

Ю. С.: А как, имея такую личную историю, в советском обществе можно было дослужиться до ректора педагогического института?

В. Ш.: Я думаю, он попал под реабилитацию, что и повлияло на последующий кадровый рост.

В. М.: Безусловно, роль сыграла и реабилитация. Но нужно помнить, что после освобождения он закончил учебу в педагогическом институте и смог устроиться только лаборантом на естественно-географическом факультете, потом – корреспондентом в газету «Северный рабочий», в наши «За Педагогические кадры». То есть только спустя пять–шесть лет он смог стать заведующим учебной частью педагогического института и потом прийти на кафедру психологии (подробнее о В. В. Карпове в [Карпов, 2023; Мазиллов, 2017]).

Разработка концепции системогенеза деятельности

Ю. С.: Владимир Дмитриевич, давайте продолжим некоторую историческую линию воспоминаний о развитии Ваших исследований. Мы недавно подготовили статью, в которой попытались проследить эволюцию деятельностного подхода в ярославской психологической школе – выделили два периода этой истории. Первый – это кандидатские исследования молодых коллег и учеников В. С. Филатова – В. В. Карпова, А. В. Филиппова, Г. А. Мурашева, М. М. Князева, В. Ф. Шевчука, Ваши. В них психологический анализ трудовой деятельности проводился на основе понимания ее процессуальной стороны и как состоящей из определенных трудовых действий и операций.

В. Ш.: Не совсем так. Моя кандидатская диссертация не была посвящена психологии деятельности. Ее целью была оптимизация подачи информации оператору. Конечно, это деятельность, но все-таки основной акцент был на восприятии и переработке оператором информации. Почему это исследование было важно – считалось, что оператору необходимо подавать такую информацию, которая отражает реальную ситуацию на объекте; при этом не нужно перегружать зрительное поле оператора дополнительной информацией. Моя же гипотеза была такова, что на скорость переработки информации может повлиять дополнительная информация, которая будет выводиться на табло оператору и будет подсказывать, как лучше эту информацию обрабатывать.

Ю. С.: Правильно ли я понимаю, что в основе этих исследований было предложенное А. Н. Леонтьевым понимание психологической структуры деятельности как состоящей из действий и операций?

В. Ш.: Абсолютно нет. Здесь не было ни Леонтьева, ни Эльконина. Хотя считаю, что у Эльконина более зрелая концепция деятельности, несмотря на то, что Леонтьев раньше высказал свои идеи. Вообще идеи Эльконина были нам ближе, так как его понимание структуры деятельности опиралось на учебную деятельность и понимание ее освоения учеником. Да и про то, что Леонтьев раньше высказал свои идеи, не все так однозначно. В избранных работах Эльконина есть комментарий о том, что впервые он предложил свое понимание структуры деятельности в середине 30-х годов, подготовил статью, но ее не опубликовали. И только в конце 60-х годов этот материал был издан. То есть, когда мы занимались проблемами обучения и учебной деятельности, работы Эльконина нам были недоступны.

Ю. С.: Понятно, но все-таки – на что Вы опирались, когда изучали деятельность, на чьи идеи?

В. Ш.: На свое видение деятельности. Мы как раз исходили из реальной деятельности. Например, у нас с Альбертом Филипповым был разговор с НИИ Шинмашем, и я сам собирал на заводе автопокрышки, трудовым методом осваивая деятельность сборщика автопокрышек. И именно на изучении этой реальной деятельности рождалась концепция системогенеза деятельности.

Ю. С.: Продолжу мысль об эволюции деятельностного подхода. Дальше Вы защитили докторскую диссертацию, идеи в которой, как бы это высокопарно ни звучало, были переворотом в понимании психологической структуры деятельности в советской психологии. Даже если эти идеи где-то не признавались, это ведь был принципиально новый методологический подход к пониманию деятельности?

В. Ш.: Конечно, это был принципиально новый взгляд на деятельность. У меня есть изданная в Ярославле монография «Психология производственного обучения» [Шадриков, 1974], на которую была рецензия и рекомендация к печати от Б. Г. Ананьева. Помимо этого была положительная рекомендация от Б. Ф. Ломова, их сотрудники положительно относились к ней и высказанным идеям концепции системогенеза деятельности. То есть рядом великих советских ученых она признавалась и оценивалась положительно.

Ю. С.: Вопрос еще вот в чем – как Вам удалось на уровне методологии исследования сменить процессуальную схему исследования на принципиально новую – системную.

В. Ш.: В это время системный подход стал активно внедряться в психологию. Одним из пионеров этого дела был Петр Кузьмич Анохин – это была большая фигура в науке, у него уже были опубликованы серьезные работы по системному подходу в физиологии: «Актуальные проблемы физиологии функциональных систем» и «Философские аспекты теории функциональной системы». То есть идеи системного подхода в отношении функциональных систем уже были разработаны – П. К. Анохиным, его учениками, в Институте психологии была лаборатория по физиологии функциональных систем. И здесь нужно сказать об определенном личностном моменте. Борис Федорович Ломов сам был в какой-то мере учеником системного подхода Анохина и, естественно, я на Анохина обратил внимание и узнал через Ломова. Не будь Ломов сторонником системы Анохина, я бы, наверное, прошел мимо этого. И мне очень приятно, когда руководителя лаборатории нейрофизиологических основ психики Института психологии В. Б. Швыркова спрашивали, как эта концепция системогенеза реализуется на психологическом уровне, он отвечал – почитайте Шадрикова. Швырков принял эту концепцию, и можно назвать немало ученых уровня Ананьева, Ломова, Анохина, которые приняли и положительно оценили мою концепцию. Но, конечно, ситуация была такая, что никто фактически не возражал против концепции системогенеза деятельности, но и в ладоши не хлопали. Можно назвать это своего рода политикой умолчания.

Ю. С.: Ну и как в такой неоднозначной ситуации у Вас как у провинциального психолога получилось развивать и дальше концепцию системогенеза?

В. Ш.: Сложно сказать. Вот Владимир Александрович лучше знает историю – ведь МГУ давило всех, кто шел против линии Леонтьева. Но меня больше поражает тот факт, что те, кто должен бы развивать идеи Алексея Николаевича и Алексея Алексеевича Леонтьевых, этого не делают. Они занимаются своим частными вопросами; ведь если идеи Леонтьева прогрессивные, что мешает ими заниматься и развивать сейчас?

Факультет психологии в Ярославле

В. М.: Владимир Дмитриевич, сама жизнь нас подвела к следующему вопросу. По факту выход ярославской школы психологии на всесоюзную арену ассоциируется исключительно с Вашим именем. Но хотелось бы уточнить, во-первых, как был осуществлен контакт с московской шко-

лой психологии, во-вторых, как и когда факультет психологии Ярославского университета был признан самостоятельным вслед за московским и ленинградским университетами?

В. Ш.: Я скажу тривиальную вещь – отправной точкой явилось создание факультета психологии в Ярославле. Это позволило не только сместить внимание с двух факультетов в Москве и Ленинграде, но и приобрести факультету определенный знаковый статус в всероссийских и всесоюзных масштабах. Ведь до этого Министерство высшего и специального образования РСФСР при разработке учебных программ по психологии ориентировалось прежде всего на Московский и, частично, Ленинградский университеты. И когда наш факультет вошел в силу, когда появился третий, так сказать, субъект, эти программы стали разрабатывать с учетом мнения нашего университета. Мы выросли в глазах этих корифеев, стали хоть младшим, но все-таки коллегой. И на конференциях стал звучать Ярославский университет как один из ведущих в области психологии.

Но это только одна сторона. Другая состоит в том, что создание университета привело к появлению плеяды молодых и талантливых ученых; вся Ваша поросль – это детище Ярославского университета. В результате уже был не один человек, а именно плеяда, несшая идеи системного подхода и психологического анализа деятельности в психологии.

Ну и помимо этих двух моментов – в 1982 г. я вернулся в педагогический институт, а уже через три года стал заместителем министра просвещения СССР. И ты хорошо знаешь психологию московского психолога – вчера ты был ректором института, а сегодня уже заместитель министра – надо к этому человеку прислушаться. Тогда же вышли мои работы по системогенезу [Шадриков, 1982], по способностям [Шадриков, 1983], которые разошлись во все высшие учебные заведения. Я приезжаю в университет, а мне говорят: «Владимир Дмитриевич, мы Вашу книгу знаем, вот она в библиотеке стоит». Конечно, это психологические моменты, но не самые последние в ряду продвижения наших идей.

Ю. С.: Владимир Дмитриевич, Вы уже упомянули, что в 1970 г. перешли на факультет психологии Ярославского университета, а в 1982 г. вернулись в педагогический институт. Вопрос о 1970 годе – университет и факультет открылись, фактически, с чистого листа, нужно было начинать все с самого начала, да и команда была

малочисленной. Опишите, какую работу Вам и коллегам пришлось выполнять, с чего начали?

В. Ш.: Перебрались на факультет психологии мы вчетвером – Василий Степанович, я, Витя Новиков, Михаил Михайлович Князев. Команда небольшая. Но зато переехала вся лаборатория психологии труда – М. М. Князев, С. С. Фефелов, В. Ф. Шевчук. И мы продолжили на факультете активную работу. Кстати, по поводу нашей активности вспоминается смешной эпизод – у нас в лаборатории был лаборант по фамилии Бельчик – лодырь–лодырем, и мы ввели такую единицу измерения трудоспособности – «один бельчик», «два бельчика», «три бельчика» и т. д. Самым активным был М. М. Князев – единиц пять, если не больше. Потом в лаборатории появился Дима Болотцев. И вот Князев, Фефелов, Болотцев – это люди, которые работали не за «бельчики», а на совесть. Вся аппаратура была делом их рук.

Нужно пояснить, как мы работали. У нас, например, на первом курсе была общая и экспериментальная психология. Я вел экспериментальную психологию, большой курс – 384 часа, очень много лабораторных занятий. Кстати, как раз из-за того, что у нас был создан хороший лабораторный практикум, мы и были на третьем месте в стране, нас уважали за это. Так вот – например, я разрабатывал пять лабораторных работ, передавал их нашим мастерам, и они создавали и ставили оборудование в лаборатории. Студенты выполняют работы, а я разрабатывал следующие лабораторные. И вот беспрерывно два года подряд мы создавали и совершенствовали лабораторный практикум.

Ю. С.: Поясните тогда вот еще что: тогда психологии в школе не было, факультет был совсем новый, а пришли студенты, которые, хоть и мотивированы, про психологию ничего не знают. Тяжело было с ними работать?

В. Ш.: Не сказал бы, ведь весь вопрос был в методической проработке. К каждой работе делалось описание, по нему студенты получали данные, обрабатывали, делали выводы и т. д.

В. М.: Как студент тех лет добавлю: действительно, все работы были подробно описаны, было издано два тома экспериментального практикума, была масса установок. Помню, когда факультет был на улице Андропова, во всех коридорах первого этажа были лаборатории, где мы занимались.

В. Ш.: А в 1971 г. подключился Ю. К. Корнилов, который стал разрабатывать практикум по

общей психологии. И мы методически обеспечили весь учебный процесс. При чем у нас были хоздоговоры, к выполнению которых привлекали студентов, научных сотрудников. Когда мы в лаборатории проводили исследования по хоздоговорам, мы платили деньги испытуемым, например, в педагогическом институте это было 40 копеек за работу в течение часа. Когда я писал кандидатскую, мы со студентами так работали два с половиной года. Хотя, конечно, каждый из нас по своему проводил исследования – очень интересное исследование было у Альберта Филиппова, всегда ругал его, что он не опубликовал свою докторскую диссертацию. У него была интереснейшая экспериментальная работа по осязанию, по сенсорной основе трудовой деятельности.

В. М.: Владимир Дмитриевич, Вы можете внести некоторую ясность, по какому принципу отбирались преподаватели на новый факультет? Например, приезжали работать М. С. Роговин, А. Л. Журавлев, Г. И. Терехова, В. С. Подольский, Н. М. Крюков и другие. Но кого-то ведь и не принимали. Например, Л. И. Уманскому, который хотел работать, отказали.

В. Ш.: Л. И. Уманский был уже известный социальный психолог, имел научные работы, приходил на факультет со своими учениками. Но, оценивая научную сторону, я не вижу в нем оригинального ученого; он бы не внес какой-то особый вклад в ярославскую психологию. Противоположный пример – А. Л. Журавлев, который стал директором Института психологии РАН.

Министерство просвещения СССР

Ю. С.: Прежде чем задать несколько вопросов о работе в министерстве просвещения, хотелось бы понять следующее. Ярославский педагогический институт хотя и был тогда известным в стране, но все-таки это был провинциальный, региональный вуз. Как ректору не столичного вуза удалось подняться на всесоюзный уровень?

В. Ш.: Здесь свою роль сыграли несколько факторов. Во-первых, сменился министр просвещения, который искал для себя молодых заместителей. Сергей Георгиевич Щербаков был прекрасный министр просвещения – он всю войну прошел в полковой разведке, что говорит само за себя; проходил стажировку в США; 20 лет проработал первым заместителем заведующего Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС. То есть он имел большой опыт, с которым его и перевели на должность министра просвещения СССР. В это время я был ректором, сделал орга-

низационную перестройку в институте и навел общий порядок. Эта перестройка была важной – в педагогическом институте никто не мог работать, не работая по совместительству в школе. Это было принципиально, и на третий год у меня около 85 % преподавателей работало в школе.

Ю. С.: Речь шла и о профессорах?

В. Ш.: Конечно, абсолютно все – от ассистента до профессора. А то у нас готовят учителей те, кто в школе ни одного года не работал – это порочная практика. Сейчас, кажется, все вернулось на круги своя. И тогда это была работа не на общественных началах – мы договорились с Верой Ивановной Рыбаковой (директор департамента образования Ярославской области – *В. М., Ю. С.*) об оплате работы преподавателей как учителям школы. С ней мы были знакомы с института – она была секретарем комитета Комсомола, я – председателем студсовета. И после этого мы два года подряд выигрывали общероссийское социалистическое соревнование – завоевывали переходящее Красное знамя от ЦК профсоюзов за организацию быта и работы в институте. А для бюрократической оценки работы руководителя это имело большое значение.

Но дальше для меня самого многое не ясно – может быть С. Г. Щербаков созвонился с Георгием Петровичем Веселовым (министр просвещения РСФСР в 1981–1988 гг. – *В. М., Ю. С.*), который дал положительную оценку – молодой, перспективный, член-корреспондент, хороший руководитель. Наверное, этого ему оказалось достаточным, чтобы пригласить меня на собеседование.

Ю. С.: И вот Вы перешли в министерство, где была уже совсем другая работа, ответственность значительно возросла. Какие-то особые ощущения были?

В. Ш.: Да не было никаких ощущений. Давайте я повторю свой путь: в студенчестве был председателем студсовета, клуба туристов, народной дружины пединститута, вступил в партию. К этой активности дальше добавились научные успехи – кандидатская, докторская, член-корреспондент Академии педагогических наук, реальные положительные дела как ректора. Ну, и если суммировать, у Сергея Георгиевича сложилось впечатление, что такой кандидат подходит.

Кстати, про ответственность – ведь все эти дела со студенчества сопряжены с ответственностью. В Магаданской области – за три года прошел от учителя до директора школы и инспектора РайОНО. И не боялся оторваться от мамы с папой и уехать после окончания института в Магадан.

Ю. С.: А как удавалось работу в министерстве совмещать с активной научной деятельностью? Вы же еще и руководили подготовкой аспирантов?

В. Ш.: Ну а что – ведь такое совмещение началось раньше, когда я работал деканом факультета психологии и проректором по учебной работе ЯрГУ. Давайте вспомним, когда меня сватали на ректора пединститута, отговаривать первого секретаря обкома партии приехал Б. Ф. Ломов. Но Федор Иванович Лощенков (первый секретарь Ярославского областного комитета КПСС в 1961–1986 гг. – *В. М., Ю. С.*) сказал: «Мы его хотели взять в обком партии в отдел науки, а он отказался. Мы приняли аргументацию, что он хочет защитить докторскую диссертацию. Он защитил. Теперь парторганизация считает, что нужно укрепить кадровый состав пединститута. Мы принимаем такое решение, а отменить его может только секретариат ЦК КПСС». Ломов вышел и рассказал мне все, когда мы пошли пообедать в ресторан Волга. Ну кто будет слушать на секретариате заявление ректора, который не хочет быть ректором, если решение принято обкомом партии – только ведь отношения испортишь. Так и приняли с ним решение, что надо соглашаться. После этого я приехал к Г. П. Веселову и говорю ему: «Вы знаете, что я без желания иду на эту работу. Но если соглашаться, то сделайте доброе дело – выделите пять ставок в лабораторию под мою проблематику в пединституте». И выделили, после чего набрал на кафедре людей, а В. И. Рыбакова выделила мне помещение в школе.

Теперь дальше – когда приехал в министерство, мне выделили кабинет и секретаря; смотрю на все и думаю, что здесь делать нечего, не понимаю, за что взялся. Но постепенно вошел в дело, увидел проблемные зоны, понял, что власть есть – так давай, начинай работать. Важно, что все это насаивалось на предыдущий опыт – ведь в школе работал, был директором, проректором, ректором. И все это в итоге сложилось в одну картинку.

Ю. С.: Владимир Дмитриевич, продолжая историю с министерством. Понятно, что эта работа была сопряжена с серьезной ответственностью, она занимала много времени и сил. Но при этом Вы и сами продолжали активно заниматься научной работой, были аспиранты, докторанты, преподавательская работа. Вопрос вот в чем – министр образования, его заместители, в целом его команда должны быть учеными, или же лучше, чтобы они были только управленцами, администраторами?

В. Ш.: Я думаю, что в первую очередь они должны быть учеными. Вот, например, Вячеслав Петрович Елютин (министр высшего образования СССР в 1954–1959 гг. министр высшего и среднего специального образования СССР в 1959–1985 гг. – *В. М., Ю. С.*) и Михаил Алексеевич Прокофьев (министр просвещения СССР в 1966–1984 гг. – *В. М., Ю. С.*) были членами-корреспондентами Академии наук СССР, академиками Академии педагогических наук. Иван Филиппович Образцов (министр высшего и среднего специального образования РСФСР в 1972–1990 гг. – *В. М., Ю. С.*) был доктором технических наук, академиком Академии наук СССР – он был автором разработки летательных аппаратов со стреловидным крылом, за что получил докторскую степень и прочие научные регалии. То есть он был в первую очередь ученым, а уже потом его назначили министром образования. Понимаете, если ты нормальный ученый, то у тебя правильно поставлены мозги, а если у тебя правильно поставлены мозги, ты способен разобратся во всех других делах. Или еще для примера – Геннадий Алексеевич Ягодин (министр высшего и среднего специального образования СССР в 1985–1989 гг., председатель Государственного комитета СССР по народному образованию – Комитета СССР по образованию в 1989–1991 гг. – *В. М., Ю. С.*) также был членом-корреспондентом Академии наук СССР, хорошим ученым, но уже потом стал чистым администратором. Володя Кинелев (руководитель госкомитета-министерства образования РФ, вице-премьер в правительстве В. С. Черномырдина в 1993–1998 гг. – *В. М., Ю. С.*) – закончил с отличием Бауманский университет, защитил там же кандидатскую и докторскую, что сделать не так уж и просто. Он – доктор наук, который мог нормально разговаривать с любым доктором из высшего технического университета – это очень многого стоит. Это все твой авторитет, твои возможности как ученого, а уже только потом ты замминистра или министр. Поэтому на первое место для такой работы я поставлю ученого, а уже потом всех остальных.

Ю. С.: Вы работали в министерстве в не самые простые для государства и общества годы – начало перестройки, развал советского союза, создание нового государства. Вы можете назвать основные проблемы, с которыми тогда столкнулось министерство просвещения?

В. Ш.: Это были самые непростые годы. А задачи были те же самые, что и всегда – качество образования, любого гуманитарного, техниче-

ского, медицинского, художественного образования. Все эти вопросы курировало министерство, которое должно было контролировать подготовку специалистов в этих областях. Но проблемы у всех были свои. Например, у сельского хозяйства была своя Тимирязевская академия, и они решали проблемы урожайности, устойчивости культур к засухе, продвижения сельского хозяйства в новые области, культивирования семенного фонда и так далее. У судостроителей были свои проблемы, связанные, например, с развитием атомного флота; в авиации вообще существовали целые научные и технические школы. И задача министерства состояла в том, чтобы отследить содержание образования таким образом, чтобы оно отражало последние достижения науки и техники.

Приведу пример – когда разрабатывалась Лиссабонская конвенция (Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе – В. М., Ю. С.), к нам приехала иностранная делегация; с советской стороны я принимал в этом участие. Спрашиваю у руководителя делегации: какова задача научных исследований в высшей школе? И он четко ответил: задача научных исследований в высшей школе заключается в формировании содержания образования и культуры. Я с этим полностью согласен – именно для этого мы должны проводить исследования в высшей школе; хотя, конечно, не все можно изучить в высшей школе, нужно заимствовать и внедрять.

Что нам помогало решать эти вопросы? Сейчас у нас много слов о свободе, об академических свободах и так далее, а если посмотреть по существу, то нет никаких свобод – преподаватель задавлен ректоратом, научные исследования в вузе не финансируются, ну о какой свободе можно говорить. И в этом плане в Советском союзе все было иначе. У нас тогда в министерстве было много докторов наук, бывших руководителей высшей школы. У Г. А. Ягодина, например, было пять замов – бывших ректоров вузов. Но по-настоящему содержание образования разрабатывали учебно-методические объединения (УМО) и учебно-методические советы (УМС), которые потом уже ни во что превратились. УМО отвечали за разработку программы образования по специальности, УМС – по предмету. И между ними всегда была борьба – советы всегда старались побольше часов оттянуть своему предмету, а объединение приводило это все в равновесие. УМО возглавляли, преимущественно, проректоры по учебной работе, как пра-

вило, доктора наук и академики, которые были при ведущих высших заведениях.

И вот представьте, разработали образовательные стандарты, внедрили их в жизнь, а условный доцент Шадриков приезжает и говорит: я хочу, чтобы было по-другому; мне говорят: давай обсудим. Он приезжает на заседание УМО, которое возглавляет академик Юрий Михайлович Соломенцев. Ю. М. Соломенцев его спрашивает: «Какие у Вас претензии?». И он перед десятью докторами наук, два из которых академики, начинает лепетать, а они ведь по-существу обсуждали эти вопросы при разработке. И потом он выходит с заседания довольный только потому, что живым ушел. И это называется общественно-академическое обсуждение содержания образования – если оно проводится не как сабантуй для своих, трудно не согласиться с тем, что предлагается. К сожалению, сейчас УМО и УМС не играют никакой роли в решении этого вопроса.

Ю. С.: А с какими школьными проблемами министерство столкнулось в перестроечные времена?

В. Ш.: Здесь важно понимать, что школьное образование – это самая консервативная система. У нас было три миллиона учителей, которые имели свой профессиональный опыт – десятилетний, двадцатилетний, сорокалетний и т. д. Поэтому в той ситуации, да и вообще, ломать ничего не нужно – надо дать возможность актуальным идеям взреть и стать привлекательными для широкой педагогической общественности. Дальше ты оформляешь эти идеи в приказе и все пойдет, как по маслу. Но другая ситуация с изменениями, когда нормативные документы не учитывают сложившуюся в обществе социальную норму – это идея, которую уже приняло большинство, и нужно только оформить ее в виде закона. Но когда принимается масса законов, не опирающихся на социальную норму, половина из них точно не приживется.

Ю. С.: Это ведь касается и современной жизни? Можете привести какие-то примеры?

В. Ш.: Мне сейчас сложно сказать, какие социальные нормы вызревают, так как уже не в гуще событий. Хотя, для примера, скажу о начальном профессиональном образовании, которое сейчас все взялись реформировать. Лет двадцать назад я был председателем экспертного совета при комитете Госдумы по образованию; высказал совокупное мнение экспертов о необходимости сохранения начального профессионального образования как уровня образования. Но к нему не прислушались – поступили либерально, заняв точку зрения о том, что это образо-

вание должно быть в руках самого производителя. То есть сам производитель должен заботиться о своих кадрах. И к чему пришли – сейчас снова поднимается вопрос о создании уровня начального профессионального образования, но с оговоркой, что фирмы должны участвовать в этом при государственной поддержке. Такая формулировка мне абсолютно не понятна – фирмы будут при деле, а деньги – государственные? То есть прошло двадцать лет, и все поняли, что была совершена ошибка, но об этой ошибке и ее авторах не говорят.

Ю. С.: А что можете сказать о сегодняшних дискуссиях вокруг бакалавриата и магистратуры? Такой уровневый подход и является той самой социальной нормой, которую большинство уже приняло, ввиду чего отмены не будет?

В. Ш.: Эта норма носит мировой характер. Когда начали говорить, что нужно возвращаться назад или создавать свою отечественную систему образования, я написал письмо П. Н. Гусеву – владельцу «Московского комсомольца», где доказывал, что не нужно уходить от бакалавриата и магистратуры. Уход приведет к отвлечению внимания от реальных проблем высшего образования. Нужно понимать, что все ведущие системы образования работают именно так; и у нас раньше был бакалавриат и магистратура, в советской системе было неполное и полное высшее образование. То есть нельзя уходить от ступеней образования – не только высшего, но и школьного – люди ведь все разные, и не каждый может выдержать полный цикл образования. Но статью не захотели публиковать.

Что еще нужно сказать – состояние современного отечественного образования – это продукт реформирования системы в 90-е гг. Нам нужно было изменить содержание гуманитарного образования, которое ориентировано на социалистическую систему; а вот в точных, естественных науках практически ничего не изменилось – и слава Богу, что туда реформаторы практически не вмешались. У нас остались хорошие математические школы содержания образования и методики доведения этого образования до ученика. И эти школы готовят победителей мировых олимпиад и конкурсов.

Профессиональная подготовка современного психолога

Ю. С.: Владимир Дмитриевич, в контексте обсуждения вопросов образования не могу ни спросить о проблемах подготовки современного психолога. Вы как-то сказали, что мы слишком много времени тратим на изучение классических

направлений в психологии – психоанализа, бихевиоризма и т. д. А в действительности нужно больше внимания уделять прикладной подготовке психолога. Так ли это?

В. Ш.: Не совсем так. Поясню на примере уважаемого мною и в какой-то мере ученика Владимира Николаевича Дружинина. Он в одной из вступительных статей к сборнику Института психологии РАН написал примерно так: мы благодарны старым психологам, которые разрабатывали классические направления, но теперь это все уже устарело; спасибо им, мы будем разрабатывать свое. Не упоминая Дружинина, я ответил в одном из сборников, закавычив его слова: бытует, мол, и такая точка зрения, и спасибо за почетные похороны.

Но думаю, Владимир Александрович меня поддержит – мы ведь черпаем идеи у Аристотеля, у Платона, у философов, которые были в Древней Греции. Сейчас читаешь их и удивляешься – насколько же глубоко они думали. Да, тематика изменилась, содержание поменялось, но если вдуматься, то они захватывали такие глубинные пласты человеческой психики, о которых наше современное поколение психологов и не думает. Поэтому классиков нужно читать обязательно – они внесли существенный вклад в психологию.

Ю. С.: Давайте вспомним начало 90-х годов, когда к нам хлынула зарубежная литература. Например, тираж «Толкования сновидений» Фрейда тогда составил около двух миллионов экземпляров. Как Вы, наблюдая за этим, оцениваете то, что делала наша психология в условиях возрастающей конкуренции?

В. Ш.: Основная часть психологов легла под этот поток, и только небольшая часть сохраняла традиции отечественной психологии. Вспоминается время на факультете психологии ЯрГУ. Мы проводили каждые два года конференции, вышли на международный уровень, и я спросил у известного зарубежного психолога: «Как Вы оцениваете наши идеи, публикации?». Он мне отвечает: «Я Вам скажу откровенно – основные идеи мы берем в советской психологии, потом доводим их до технологического исполнения и распространяем по всему миру». А у нас до сих пор страдает процесс доведения идеи до практической реализации. Ведь у нас каждый год защищаются сотни диссертаций по психологии, но сколько этих идей доходит до учителя? И это типичный пример. У нас в психологии высказано очень много отличных идей, но очень мало из них доведено до технологического исполнения.

Мои учителя

Ю. С.: Владимир Дмитриевич, мы дошли в нашем интервью до момента, когда Вы уже работали в министерстве просвещения. К этому времени был пройден большой путь, на котором, как мы сегодня узнали, Вы встретили немалое количество значимых для Вас людей. Если попытаться окинуть пройденный путь, Вы можете назвать тех, кто оказал на Вас наиболее серьезное влияние?

В. Ш.: Если говорить о самом начале пути, то во времена аспирантуры это все те, кто работал на кафедре психологии – кого-то отдельно выделять не будут, потому что мы всегда были вместе. Например, у нас было такое прекрасное мероприятие, когда мы в институте вдвоем, втроем собирались и шли гулять по набережной. Мы обсуждали все новое, что появлялось в науке, актуальные проблемы, новые статьи в журналах. Понимаете, это был постоянно действующий своего рода методологический семинар на кафедре психологии педагогического института.

Ну а дальше такими людьми были Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин, Б. Г. Ананьев, В. Б. Швырков, В. П. Кузьмин. Это те, кто оказал на меня серьезное научное, методологическое влияние. Большое значение для меня имела работа с лабораторией инженерной психологии Ленинградского университета и ее сотрудниками – М. К. Тутушкиной, А. И. Нафтульевым и другими, кто был объединен вокруг Б. Ф. Ломова. Обязательно нужно вспомнить ленинградцев, кто приезжал в Ярославский университет читать лекции – Ю. Г. Трошихина, А. А. Русалинова и многие другие.

Если говорить о чисто человеческом влиянии, то, конечно, большое значение имел Василий Степанович Филатов – своим поведением и отношением с аспирантами. Здесь же нужно сказать и о Евгении Павловиче Ильине, Михаиле Семеновиче Роговине. М. С. Роговин был немногочислен в стороне от моих научных интересов, но мне очень помогло наблюдение за его стилем работы со студентами, аспирантами.

В. М., Ю. С.: Владимир Дмитриевич, мы благодарим Вас и надеемся, что это лишь первое из запланированных в цикле интервью с Вами. А пока позвольте от лица педагогического коллектива ЯГПУ им. К. Д. Ушинского поздравить Вас с 85-летием и пожелать Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, новых идей!

Библиографический список

1. Донских О. А. Интервью о развитии высшего образования // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1, № 1(31). С. 167–179.
2. Журавлев А. Л. Воспоминания о профессоре В. С. Филатове и моем распределении в Ярославский госуниверситет // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 3 (61). С. 524–542.
3. Интервью с В. Д. Шадриковым // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6, № 4. С. 43–45.
4. Карпов А. В. Владимир Дмитриевич Шадриков // Ярославский психологический вестник. 2019. № 2 (44). С. 7–10.
5. Карпов А. В. Вспоминая Виктора Васильевича Карпова / А. В. Карпов, А. А. Карпов, В. Д. Шадриков // Век психологии в Ярославле : сб. научн. мат. всероссийской конф. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. С. 52–64.
6. Мазиллов В. А. Портрет в Голубом зале: человек непростой судьбы (К юбилею В. В. Карпова) // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 374–377.
7. Мазиллов В. А. Век психологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского / В. А. Мазиллов, Ю. Н. Слепко. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. 468 с.
8. Мазиллов В. А. Филатов Василий Степанович: методолог, психолог, организатор науки / В. А. Мазиллов, Ю. Н. Слепко. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 223 с.
9. Мазиллов В. А. В. Д. Шадриков: ученый, психолог, педагог, государственный деятель, личность / В. А. Мазиллов, В. В. Козлов, Ю. Н. Слепко // Методология современной психологии. 2019. № 10. С. 5–19.
10. Суворова Г. А. Основопологающие работы В. Д. Шадрикова по развитию системогенетического подхода в психологии // Системогенез учебной и профессиональной деятельности / под редакцией Ю. П. Поваренкова. Ярославль : ЯГПУ, 2011. С. 39–43.
11. Филатов В. С. Ребенок открывает мир. Из дневника психологических наблюдений. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1966. 184 с.
12. Филатов В. С. Психология (конспект лекций) / В. С. Филатов, Н. М. Александров. Ставрополь на Кубани, 1933. 106 с.
13. Черемошкина Л. В. К 70-летию Владимира Дмитриевича Шадрикова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6, № 4. С. 43–45.
14. Шадриков В. Д. Идея оказалась весьма продуктивной. URL: <https://ug.ru/vladimir-shadrikov-ordinary-j-professor-vshe-chlen-popechitel'skogo-soveta-mgpu-ideya-okazalas-vesma-produktivnoj/> (дата обращения: 08.09.2024).
15. Шадриков В. Д. О содержании понятий «способности» и «одаренность» // Психологический журнал. 1983. Т. 4, № 5. С. 3–10.
16. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. Москва : Наука, 1982. 185 с.

17. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. Москва : Институт психологии РАН, 2013. 464 с.
18. Шадриков В. Д. Психология производственного обучения. Ярославль : ЯрГУ, 1974. 144 с.
19. Шадриков В. Д. Сигнальное программирование и оптимизация подачи информации оператору. Ярославль, 1968. 25 с.
20. Шадриков В. Д. Системный подход в психологии производственного обучения. Ленинград, 1976. 41 с.
21. Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. Москва : Институт психологии РАН, 2019. 274 с.
22. Шадриков В. Д. Общая психология / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов. Москва : Юрайт, 2015. 411 с.
23. «Шадриков для меня...». К 75-летию Владимира Дмитриевича Шадрикова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 5–14.

Reference list

1. Donskih O. A. Interv'ju o razvitii vysshego obrazovaniya = Higher education development interview // Idei i idealy. 2017. Т. 1, № 1(31). С. 167–179.
2. Zhuravlev A. L. Vospominaniya o professore V. S. Filatove i moem raspredelenii v Jaroslavskij gosuniver-sitet = Memories of Professor V. S. Filatov and my assignment to Yaroslavl State University // Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki. 2022. Т. 16, № 3 (61). С. 524–542.
3. Interv'ju s V. D. Shadrikovym = Interview with V. D. Shadrikov // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2009. Т. 6, № 4. С. 43–45.
4. Karpov A. V. Vladimir Dmitrievich Shadrikov = Vladimir Dmitrievich Shadrikov // Jaroslavskij psihologicheskij vestnik. 2019. № 2 (44). С. 7–10.
5. Karpov A. V. Vspominaja Viktora Vasil'evicha Karpova = Remembering Viktor Vasilyevich Karpov / A. V. Karpov, A. A. Karpov, V. D. Shadrikov // Vek psihologii v Jaroslavl'e : sb. nauchn. mat. vsrossijskoj konf. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2023. С. 52–64.
6. Mazilov V. A. Portret v Golubom zale: chelovek neprostoju sud'by (K jubileju V. V. Karpova) = Portrait in the Blue Hall: a man of difficult fate (On the anniversary of V. V. Karpov) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2017. № 2. С. 374–377.
7. Mazilov V. A. Vek psihologii JaGPU im. K. D. Ushinskogo = Century of psychology in YSPU named after K. D. Ushinsky / V. A. Mazilov, Ju. Nf. Slepko. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2023. 468 s.
8. Mazilov V. A. Filatov Vasilij Stepanovich: metodolog, psiholog, organizator nauki = Filatov Vasily Stepanovich: methodologist, psychologist, organizer of science / V. A. Mazilov, Ju. N. Slepko. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 223 s.
9. Mazilov V. A. V. D. Shadrikov: uchenyj, psiholog, pedagog, gosudarstvennyj dejatel', lichnost' = V. D. Shadrikov: scientist, psychologist, teacher, statesman, personality / V. A. Mazilov, V. V. Kozlov, Ju. N. Slepko // Metodologija sovremennoj psihologii. 2019. № 10. С. 5–19.
10. Suvorova G. A. Osnovopolagajushhie raboty V. D. Shadrikova po razvitiju sistemogeneticheskogo podhoda v psihologii = The fundamental works of V. D. Shadrikov on the development of a systemogenetic approach in psychology // Sistemogenez uchebnoj i profesional'noj dejatel'nosti / pod redakciej Ju. P. Povarenkova. Jaroslavl' : JaGPU, 2011. С. 39–43.
11. Filatov V. S. Rebenok otkryvaet mir. Iz dnevnika psihologicheskikh nabljudenij = A child discovers the world. From the diary of psychological observations. Jaroslavl' : Verhne-Volzhsкое knizhное izdatel'stvo, 1966. 184 s.
12. Filatov V. S. Psihologija (konspekt lekcij) = Psychology (lecture summary) / V. S. Filatov, N. M. Aleksandrov. Stavropol' na Kubani, 1933. 106 с.
13. Cheremoshkina L. V. K 70-letiju Vladimira Dmitrievicha Shadrikova = To the 70-th anniversary of Vladimir Dmitrievich Shadrikov // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2009. Т. 6, № 4. С. 43–45.
14. Shadrikov V. D. Ideja okazalas' ves'ma produktivnoj = The idea turned out to be very productive. URL: <https://ug.ru/vladimir-shadrikov-ordinarnyj-professor-vshechlen-popechitel'skogo-soveta-mgpu-ideya-okazalas-vesma-produktivnoj/> (data obrashhenija: 08.09.2024).
15. Shadrikov V. D. O sodержanii ponjatij «sposobnosti» i «odarennost'» = On the content of the concepts of «ability» and «giftedness» // Psihologicheskij zhurnal. 1983. Т. 4, № 5. С. 3–10.
16. Shadrikov V. D. Problemy sistemogeneza professional'noj dejatel'nosti = Problems of professional systemogenesis. Moskva : Nauka, 1982. 185 s.
17. Shadrikov V. D. Psihologija dejatel'nosti cheloveka = Psychology of human activity. Moskva : Institut psihologii RAN, 2013. 464 s.
18. Shadrikov V. D. Psihologija proizvodstvennogo obuchenija = Psychology of industrial training. Jaroslavl' : JarGU, 1974. 144 s.
19. Shadrikov V. D. Signal'noe programmirovanie i optimizacija podachi informacii operatoru = Signal programming and optimization of information transmission to the operator. Jaroslavl', 1968. 25 s.
20. Shadrikov V. D. Sistemnyj podhod v psihologii proizvodstvennogo obuchenija = Systems approach in the psychology of industrial training. Leningrad, 1976. 41 s.
21. Shadrikov V. D. Sposobnosti i odarennost' cheloveka = Ability and talent of a person. Moskva : Institut psihologii RAN, 2019. 274 s.
22. Shadrikov V. D. Obshhaja psihologija = General psychology / V. D. Shadrikov, V. A. Mazilov. Moskva : Jurajt, 2015. 411 s.
23. «Shadrikov dlja menja...». K 75-letiju Vladimira Dmitrievicha Shadrikova = «Shadrikov for me...» To the 75-th anniversary of Vladimir Dmitrievich Shadrikov // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2014. Т. 11, № 4. С. 5–14.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 19.09.2024.

The article was submitted 19.07.2024; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 19.09.2024.